

жественную формулировку целостного мировоззрения, как полноценную систему восприятия действительности и борьбы за действительность, — созданием русских писателей XIX столетия, в первую очередь Пушкина. Восемнадцатое столетие не могло дать и не дало в литературе такой законченной системы реалистического миропонимания и искусства, поскольку, конечно, речь идет о «книжной» литературе: народное творчество, фольклор издавна создавался в русле глубоко реалистической системы мысли и стиля, и к реализму же с древнейших времен тяготели писанные памятники, близкие к фольклору, выросшие на народной почве.

Не следует приписывать кому бы то ни было из писателей XVIII в. то великое дело, которое смог осуществить только Пушкин; но писатели XVIII в. накопили немало материалов для будущего реализма; реалистические элементы возникли в искусстве, в особенности в второй половине столетия, в изобилии у разных писателей, в различных литературных течениях и группах, и эти накопленные богатства легли в основу того великого построения, за которое смог взяться Пушкин.

В настоящее время мы можем — поневоле условно и отчасти предположительно — только лишь наметить основные линии, по которым шло формирование реалистических элементов в литературе XVIII в., в частности во второй половине его.

Прежде всего следует указать на мощную струю реализма, возникшую на основе самого русского классицизма. Еще у Кантемира, готовившего почву для развитого классицизма в России, сильно реалистические тенденции, хотя, может быть, в данном случае правильнее было бы говорить о натуралистическом характере изображения конкретных черт быта в сатирах Кантемира. Однако чрезвычайно важным представляется нам то обстоятельство, что уже первые опыты такого изображения в новой русской литературе связаны именно с сатирой, с рождающимся «сатирическим направлением» в русской литературе, зачинателем которого, именно Кантемира, основательно считал Белинский. Канонизатором русского классицизма был Сумароков; и у него, наиболее последовательного «классика» в русской литературе, принцип отрешенности от конкретных фактов действительности, рационалистического обобщения и понятийной отвлеченности не смог овладеть всей совокупностью его творчества. При этом живые и конкретные отклики на реальную жизнь мы находим у Сумарокова не в «высоких» жанрах, посвященных выявлению его идеала, а именно там, где он озлобленно нападает на отклонения от идеала, являющиеся для него слишком реальной, печальной и непримлемой действительностью. То же самое мы видим и у представителей второго поколения русских классицистов, даже у Хваскова, Ржевского и др. Тут же необходимо оговорить, что реалистические элементы мы ни в какой степени не должны усматривать повсюду, где мы встречаемся с «низким» стилем, с речевой грубостью или даже